

Пост

Прости мне, Господи, что я ушёл с поста.
Я отступил, придумал, что устал.
Мне показалось—больше не могу.
Да что держать? Всё отдано врагу.

Куда ни глянешь—гарь да бурьяны,
И мира нет, ни мира, ни войны.
С тем, что я видел, Боже, не живут.
Зачем же Ты меня оставил тут?

Да, я не выдержал, я перестал смотреть—
И смерть вчера, и завтра тоже смерть.
Они убиты, слышишь ли, Господь?
И сколько жерновам Твоим молоть?

Зачем стоять, зачем смотреть на свет? —
В селе Весёлом целой хаты нет.
Да что могу я, Боже, среди руин?
Ведь я один, на этом месте я один.

И я ушёл, я в Твой не верю рай,
Там вместо сердца у меня дыра.
И я забыл слова все, Отче наш,
И я не брат, и брату я не страж.

Прости, хотелось тишины глоток,
Я низко пал, не устоял, не смог.

Так почему кликнул Ты меня:
«Вернись и встань туда, где ты стоял»?

Зимний день

Коптит, коптит завод без устали
Зимы недолгие снега,
Клюют синицы златоустые
То, что для них я сберегал.

Немного крошек, горстка семечек—
И день морозный пережит...
А я на них смотрю—а чем ещё
Растопишь наледи души?

А чем себя ещё побалую,
Чем удержу себя в беде?..
Господь питает птаху малую
С моей ладони в стылый день.

За звездой

Крест будет потом, а пока за звездой волхвы
идут на восток, и верблюды везут дары,
и можно увидеть из каждой почти дыры
у края небес иные совсем холмы.

Там греют пещеру дыханьем своим волы
и воздух уже наполняет благая весть,
крест будет потом, а сегодня мы все вольны
идти за звездой или остаться здесь.

Днесь Дева рождает Того, Кто до всех времён,
Кто держит в ладони, как бусину, целый мир.
Спускаются Ангелы—слышишь их крыльев звон?
Идут пастухи, звезда перешла надир.

Ты можешь остаться—зачем тебе этот путь?
Тем более знаешь о том, что грядёт потом.
Пусть луч не разрежет тебя удержавших пут,
зато можешь думать, что прочен покуда дом.

Но, только идя за звездой, ты поймёшь, в чём суть,
а значит, разделишь и чашу потом, и крест.
И ладан, и смирну верблюды уже везут,
и ёлка в шарах хрустальных и серебре.

Поминальное

Они приходят смотреть: всё так же мне больно?
Всё оплакиваю руины и тени павших?
Так ли гвоздь ещё в моём сердце колет?
И ждут: а что он теперь о горе скажет?

Нет кровавых костей, к весне засадил цветами
Все могилы и убираю осколки.
На моём горизонте медленно, но светает.
Я дышу, хоть не знаю, отпущено сколько.

Если герои убиты, а победа не наступает,
Остаётся держать свой окоп, свой участок неба.
Пуля—дура, а боль, когда привыкаешь,—тупая.
И давно всё взвешено—брутто, нетто.

И не то чтобы... а просто устал, устал—и точка.
«Точка У» нелепая, гром, что всегда со мною.
Поминальный лист—список кораблей бессрочный.
Журавлиный поезд заклинило над землёю.

На краю

Доживём до Пасхи, а там и Троица—
Отец Александр не благословил умирать.
Закрылась дверь, говорят, что другая откроется.
Когда стоишь один на краю, думай: «За нами рать».

Там и Троица—будут склоны круч все лиловые,
Чабреца у нас—аж до самого Неба дух.
На ветру стоять—это быть и битым, и ломаным,
Но за битого здесь небитых дают сразу двух.

Доживём, конечно,—куда мы денемся?
Кому, кроме нас, нужна эта степь да степь?
Простояли ночь—это значит, что день еси.
А вокруг всё могилы—Саур ли, Острая,
И здесь плавится сталь, а живое убить непросто же:
В каждом раненом дереве—тень Спасителя на кресте.

И кому боронить эту землю рыжую—
В ней ведь столько крови, ни в какой другой больше нет,
Защищать и пахать?—потому мы, конечно, выживем.
Степь да степь, если смерть кругом, жизнь особенно здесь в цене.

Как называть

Был бы моложе—назвал бы тебя джульеттой,
был бы испанцем—точно тогда дульсинеей,
а здесь у нас такое адское лето,
и васильки смертельно синеют.

Жил бы я в сочи, не помню уже что знал бы,
где она, правда, и кто ещё носит прада,
а здесь опять через сердце проходят залпы—
сто двадцать второго калибра мины и «градь».

Звать бы тебя голубкой, да снова сносит...
Драму не эту, заглядывать бы к макбету,
но сводки читаю, повёрнуты сумрака оси,
врут договоры, к чёрту летят обеты.

Кем бы я был, если бы звал тебя дарлинг,
на берегу темзы какой мёрз бы?..
Всё нам дают займы, ничего не дарят,
здесь и река—если донец, то мёртвый.

Звать эсмеральдой?—тесен для нас париш-то.
У нас бесконечен цыганский размах дороги,
небо бездонно, в котором легко паришь ты—
можно тебя крыльями только трогать.

Всё, что не смерть и война, здесь кажется книжным;
помню, когда-то наоборот было.
Как мне тебя называть, чтобы просто выжить
в лето шестое без берегов и тыла?